

КАРСОН МАККАЛЛЕРС

СЕРДЦЕ – ОДИНОКИЙ ОХОТНИК

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

M15

Серия «Эксклюзивная классика»

Carson McCullers

THE HEART IS A LONELY HUNTER

Перевод с английского *Е. Гольшевой*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения Andrew Nurnberg Associates
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккаллера, Карсон.

M15 Сердце — одинокий охотник / Карсон Маккаллера ; [пер. с англ. Е. Гольшевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-114767-9

Маленький южный городок 1930-х, задыхающийся от скуки, жары и скрытой ненависти. Городок, в котором ничего не происходит — и в то же время происходит слишком многое. Городок, где разбиваются сердца.

Здесь происходит печальная драма одиночества глухонемого мудреца Джона Сингера и трагедия доктора Копленда, позволившего себе забыть, что значит быть черным на Юге.

Здесь тлеет недовольство жизнью в Бифе Бреннане — благополучном хозяине преуспевающего кафе.

И здесь, к несчастью, довелось расти и взрослеть талантливой девочке Мик Келли...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© The Estate of Carson McCullers and Columbus State University's Carson McCullers Center for Writers and Musicians

© Перевод. Е. Гольшева, наследники, 2019

ISBN 978-5-17-114767-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ЧАСТЬ 1

Глава 1

В городе было двое немых, они всегда ходили вместе. По утрам они рано появлялись на улице и под руку шли на работу. Приятели были люди совсем разные. Тот, что вел другого, был тучный, мечтательный грек. Летом он носил желтую или зеленую тенниску, небрежно заправленную в брюки спереди и вылезавшую сзади. Когда становилось прохладно, он надевал мешковатый серый свитер. На его круглом, лоснящемся лице с полуприкрытыми веками всегда сияла добродушная глупая улыбка. Другой немой — высокий, с живым и умным выражением глаз — был одет скромно и безукоризненно чисто.

Каждое утро приятели медленно шагали рядом, пока не выходили на главную улицу города. Дойдя до фруктово-кондитерской лавки, они приостанавливались на тротуаре. Грек Спирос Антонапулос работал у своего двоюродного брата, владельца этого магазина. В его обязанности входили изготовление конфет и сладостей, распаковка ящиков с фруктами и уборка помещения. Высокий немой, Джон Сингер, прощаясь, клал руку на плечо товарищу и заглядывал ему в лицо. Потом он переходил на другую сторону улицы и продолжал свой путь до ювелирного магазина, где гравировал столовое серебро.

В сумерках друзья встречались опять. Сингер подходил к фруктовому магазину и дожидался, когда Антонапулос сможет пойти домой. А грек в это время либо лениво вскрывал ящик с персиками или дынями, либо просто разглядывал комиксы за пегородкой, где он готовил сладости. Перед уходом Антонапулос брал бумажный кулек, который днем прятал на одной из полок. Туда он потихоньку складывал всякую снедь: какой-нибудь фрукт или хвостик ливерной колбасы. Перед уходом Антонапулос, переваливаясь, подплывал к стеклянной витрине, где были выставлены колбасные изделия и сыры. Он отодвигал заднюю стенку, и его толстая рука любовно нашаривала там какой-нибудь особенно лакомый кусочек. Иногда двоюродный брат, которому принадлежала лавка, этого не замечал. Но, заметив, в упор смотрел на родича, и на его костлявом бледном лице появлялась угроза. Тогда Антонапулос уныло перекладывал заветный кусочек с одного края витрины на другой. Сингер при этом стоял очень прямо, засунув руки в карманы и отвернувшись в сторону. Он не любил присутствовать при этой маленькой сцене между двумя греками. Ведь не считая выпивки и довольно невинного порока, которому он предавался в одиночестве, Антонапулос больше всего на свете любил покушать.

В сумерках двое немых неторопливо шагали домой. Дома Сингер без усталости разговаривал с Антонапулосом. Руки его вычерчивали слова быстрыми жестами, а лицо при этом было крайне оживленное, и зеленовато-серые глаза ярко блестели. Своими худыми, сильными руками он «рассказывал» Антонапулосу обо всем, что случилось за день.

Антонупулос сидел, лениво развалиясь, и смотрел на Сингера. Если он и шевелил руками, а это бывало редко, то только для того, чтобы сказать, что ему хочется есть, спать или выпить. Эти свои три желания он выражал одними и теми же неопределенными, неуклюжими движениями. Перед сном, если он не был слишком пьян, он становился возле кровати на колени и молился. Потом его пухлые руки изображали «Святой Иисус», или «Боже», или «Миленькая Дева Мария». Вот и все слова, которые Антонупулос употреблял. Сингер не был уверен, что его друг понимает то, что он ему говорит. Но это не имело значения.

Они занимали вдвоем верхний этаж маленького домика неподалеку от торговой части города. У них было две комнаты. В кухне на керосинке Антонупулос готовил еду. Для Сингера там стояли прямые жесткие кухонные стулья, а для Антонупулоса — мягкая кушетка. В спальне помещались большая двуспальная кровать тучного грека со стеганным пуховым одеялом и узкая железная койка Сингера.

Ужинали всегда долго, потому что Антонупулос любил поесть и вообще был очень медлителен. После еды тучный грек разваливался на кушетке и медленно вылизывал языком каждый зуб в отдельности — либо для фасона, либо потому, что ему хотелось подольше насладиться вкусом пищи, а Сингер мыл посуду.

Иногда по вечерам немые играли в шахматы. Сингер любил эту игру и когда-то пытался научить ей Антонупулоса. Сначала его друг вовсе не интересовался, зачем ему надо передвинуть ту или иную фигуру на доске. Тогда Сингер стал держать под столом бутылочку с чем-нибудь горячительным и уго-

щать партнера после каждого урока. Грек так и не усвоил капризных ходов коня и победоносной подвижности ферзей, но все же научился делать положенные начальные ходы. Он предпочитал белые фигуры и отказывался играть, если ему выпадали черные. После того как бывал разыгран дебют, Сингер продолжал партию сам, а друг его сонно поглядывал на доску. Если Сингер делал блестящий ход против собственных фигур и объявлял мат черному королю, Антонапулос радовался и был необычайно горд.

У немых не было друзей, и все свободное от работы время они проводили вдвоем. Дни их мало отличались друг от друга, потому что они постоянно бывали одни и ничто не нарушало их покоя. Раз в неделю они отправлялись в библиотеку, где Сингер брал очередной детективный роман, а по пятницам ходили в кино. В получку они всегда навевались в фототеатле над Армейским магазином, где снимок стоил десять центов: Антонапулос любил сниматься. Вот и все места, которые они регулярно посещали. В городе было немало уголков, куда они ни разу даже не заглянули.

Город был расположен в самом сердце Юга. Лето продолжалось долго, а зимние холода — один или два месяца. Небо почти всегда ослепительно сияло лазурью, а солнце нестерпимо пекло. Потом шли зябкие ноябрьские дожди, за ними иногда наступал морозец — недолгие холодные недели. Зимой погода стояла переменчивая, а летом всегда палило знойное солнце. Город был довольно большой. По Главной улице на несколько кварталов тянулись двух- и трехэтажные магазины и конторы. Но самыми внушительными зданиями города были фабрики, где работала основная часть населения. Эти пря-

дильные фабрики росли и процветали, но большинство рабочих в городе жили очень бедно. На улицах часто встречались лица, полные голодного отчаяния и тоски.

Однако двое немых вовсе не ощущали тоски. Дома они с удовольствием ели и пили, а Сингер оживленно делился с другом всем, что было у него на уме. Так спокойно протекало время, пока Сингеру не исполнилось тридцать два года и они не прожили тут с Антонапулосом десять лет.

И вдруг грек заболел. Он сидел на кровати, прижимая руки к толстому животу, и по щекам его катились крупные и маслянистые слезы. Сингер сообщил об этом его двоюродному брату, хозяину фруктовой лавки, а сам попросил отпуск. Доктор прописал Антонапулосу диету и сказал, что ему нельзя больше пить вино. Сингер непреклонно выполнял предписания врача. Он целыми днями просиживал у постели больного друга и всячески старался его развлечь, но Антонапулос только искоса сердито на него поглядывал. Ничто не могло его развеселить.

Грек капризничал, ему не нравились фруктовые напитки и блюда, которые готовил ему Сингер. Он то и дело просил, чтобы Сингер помог ему слезть с кровати помолиться. Толстые ягодицы свисали на небольшие пухлые ступни, когда он стоял на коленях. Он шевелил пальцами, стараясь изобразить «Миленькую Деву Марию», а потом со страхом хватался за медный крестик на грязной веревочке, висевший у него на груди. Он долго стоял, закатив глаза к потолку, а потом дулся и не позволял другу с собой разговаривать.

Сингер был терпелив и делал все, что мог. Он рисовал картинки и раз даже изобразил своего това-

рища, чтобы его насмешить. Но тучного грека портрет обидел, и успокоился он, только когда Сингер представил его совсем молодым, красивым, с ярко-золотыми волосами и небесно-голубыми глазами. Но и тогда он постарался не показать своего удовольствия.

Сингер так прилежно ухаживал за своим другом, что через неделю Антонапулос смог вернуться на работу. Но с тех пор жизнь друзей пошла по-другому. Они потеряли покой.

Антонапулос больше не болел, но очень изменился. Он стал раздражительным и уже не желал мирно проводить вечера дома. Когда он выходил в город, Сингер не оставлял его ни на минуту. Антонапулос шел в ресторан и, пока они сидели за столиком, украдкой прятал в карман куски сахара или перечницу и столовый прибор. Сингер всегда платил за то, что брал Антонапулос, и все обходилось мирно. Дома он выговаривал другу, но тучный грек лишь невозмутимо улыбался.

Шли месяцы, и причуды Антонапулоса становились все опаснее. Однажды в полдень он спокойно вышел из фруктового магазина своего двоюродного брата, пересек улицу и стал мочиться у стены Первого национального банка на глазах у прохожих. Встречая людей, чьи лица ему не нравились, он нарочно налетал на них, толкаясь животом и локтями. Как-то он зашел в магазин и выволок оттуда, не заплатив за него, торшер, а в другой раз попытался стащить с прилавка игрушечный электрический поезд.

Для Сингера настало очень тяжелое время. В обеденный перерыв он то и дело водил Антонапулоса в суд, чтобы улаживать его противозаконные выходы.

ки. Сингеру пришлось хорошо изучить судебные порядки, и он не знал ни минуты покоя. Деньги, которые он откладывал, были истрачены на штрафы и залоги. Все свои силы и средства он употреблял на то, чтобы спасти друга от тюрьмы за такие преступления, как кражи, нарушение общественного порядка и драки.

Родственник, у которого Антонапулос работал, не желал вмешиваться во все эти дела. Чарлз Паркер (таково было имя, которое он себе взял) не увольнял своего двоюродного брата, но неотступно следил за ним с угрозой на бледном костлявом лице и не ударил палец о палец, чтобы ему помочь. Сингер испытывал незнакомое ему чувство к Чарлзу Паркеру. Он его недолюбливал.

Сингер жил в постоянной тревоге и волнениях. Но Антонапулос был по-прежнему невозмутим: что бы ни случилось, с лица его не сходила добрая, безвольная улыбка. В прежние годы Сингер видел в улыбке друга мудрость и душевную глубину. Он никогда толком не знал, что у него на уме и многое ли достигает его сознания. А теперь лицо толстого грека, на взгляд Сингера, стало выражать хитрость и лукавство. Сингер без устали тряс приятеля за плечи и в сотый раз втолковывал ему одно и то же руками. Но все было бесполезно.

Деньги у Сингера кончились, и ему пришлось попросить в долг у ювелира, у которого он работал. Однажды он не смог внести за Антонапулоса залог, и тот провел целую ночь в тюрьме. Когда Сингер зашел за ним на другой день, вид у грека был очень надутый. Он не хотел уходить из тюрьмы. Ему понравился бекон и кукурузная лепешка с патокой. Понравилась ему и постель, и соседи по камере.

Они жили так одиноко, что Сингеру неоткуда было ждать помощи в беде. Антонапулоса ничто не трогало, и он никак не желал отучиться от своих выходов. Дома он иногда готовил новое блюдо, которое ел в тюрьме, а на улице никогда нельзя было предсказать, что он сейчас выкинет.

Потом с Сингером стряслась настоящая беда.

Однажды вечером, когда он зашел во фруктовую лавку за Антонапулосом, Чарлз Паркер вручил ему письмо. Там было сказано, что Чарлз добился того, чтобы его двоюродного брата поместили в сумасшедший дом в двухстах милях отсюда. Паркер использовал свои связи, и все было улажено. Антонапулос отправится в сумасшедший дом на будущей неделе.

Сингер несколько раз перечитал письмо и просто оторопел. Чарлз Паркер что-то говорил ему из-за прилавка, но он даже не пытался читать слова у него по губам. Наконец Сингер написал на листе блокнота, который постоянно носил в кармане:

«Этого нельзя допустить, Антонапулос должен остаться со мной».

Чарлз Паркер сердито помотал головой. Он с трудом объяснялся по-английски.

— Не ваше дело, — твердил он Сингеру. Сингер понял, что все кончено. Грек боялся, что в один прекрасный день ему придется отвечать за родственника. Чарлз Паркер не слишком хорошо знал английский язык, но цену американскому доллару он знал отлично и употребил свои доллары и свое влияние на то, чтобы двоюродного брата поскорее уупекли в сумасшедший дом.

Сингер не мог этому помешать.

Всю следующую неделю он провел в лихорадочной суете. Сингер говорил, говорил безостановоч-

но. И хотя его руки все время были в движении, он не успевал высказать всего, что ему хотелось сказать. Он должен был поделиться с Антонапулосом всем, что передумал и почувствовал, и на это не хватало времени. Его серые глаза горели, а подвижное умное лицо выражало крайнее волнение. Антонапулос сонно на него поглядывал, и Сингер не знал, понимает ли его друг то, что ему говорят.

И вот настал день, когда Антонапулосу надо было уезжать. Сингер вынул свой чемодан и аккуратно уложил туда лучшее из того, что было у них обоих, Антонапулос приготовил себе на дорогу еду. Под вечер они в последний раз прошлись под руку по улице. Был конец ноября, погода стояла холодная, и в воздухе от их дыхания поднимались облачка пара.

Чарлз Паркер должен был сопровождать двоюродного брата, но на станции он держался особняком. Антонапулос взобрался в автобус и удобно развалился на одном из передних сидений. Сингер смотрел на него через окно и в последний раз что-то отчаянно объяснял жестами. Но Антонапулос так сосредоточенно проверял, все ли положено в картонку с провизией, что ему было не до Сингера. Только перед тем, как автобус тронулся, он обернулся к Сингеру. Улыбка его была безмятежной и рассеянной — словно их уже разделяло множество миль.

Следующие недели прошли для Сингера как во сне. Весь день он работал за рабочим столом ювелирного магазина, а вечером в одиночестве возвращался домой. Больше всего ему хотелось спать. Как только он приходил к себе, он ложился на койку и старался заснуть. Ему снились сны. И во всех его снах присутствовал Антонапулос. Руки Сингера су-

дорожно дергались, потому что во сне он всегда разговаривал с греком и Антонапулос на него глядел.

Сингер пытался вспомнить те годы, когда он еще не знал своего друга. Он пересказывал себе то, что происходило с ним в молодости. Но все, что ему удавалось вызвать в памяти, казалось призрачным.

Был в его прошлом один факт, который он помнил отлично, хотя и не придавал ему значения. Дело в том, что Сингер был глух с самого младенчества, но не всегда был совсем немым. Он очень рано остался сиротой и попал в заведение для глухих. Там он научился разговаривать руками и читать. Ему еще не было девяти лет, а он умел разговаривать одной рукой по американской системе и пользоваться обеими руками, как в Европе. Он научился следить за движением чужих губ и понимать, что они произносят. И наконец его стали учить там разговаривать.

В школе он считался очень способным учеником. Он быстрее всех учил уроки. Но он так и не привык произносить слова губами. Для него в этом было что-то неестественное, собственный язык казался ему неповоротливым, как кит. По недоумевающему взгляду людей, к которым он обращался, Сингер понимал, что либо голосом он напоминает какое-то животное, либо в его речи есть что-то отвратительное. Ему было мучительно трудно разговаривать ртом, но руки всегда были готовы выразить любые слова, какие ему хотелось. В двадцать два года он приехал из Чикаго в этот южный город и почти сразу же познакомился с Антонапулосом. С тех пор он никогда больше не разговаривал ртом, потому что для общения с другом в этом не было нужды.

Все казалось ему призрачным, кроме десяти лет, проведенных с Антонапулосом. В своих полуснах он видел друга очень отчетливо и, проснувшись, страдал от острого, сосущего одиночества. Он посылал Антонапулосу посылки, но никогда не получал ответа. И так, пусто и сонно, тянулись месяц за месяцем.

Весной с Сингером произошла перемена. Он перестал спать, и в теле его поселилось какое-то беспокойство. По вечерам он мерно вышагивал по комнате, чтобы хоть как-то справиться с непривычным приливом энергии. Отдыхал он всего несколько часов перед рассветом — разом погружался в сон, который длился до тех пор, пока в его веки не начинал бить, как кинжал, утренний свет.

Сингер коротал вечера, гуляя по городу. Ему было невтерпех оставаться в комнатах, где они жили с Антонапулосом, и он поселился в захудалом пансиончике поближе к центру.

Питался он в ресторане по соседству. Этот ресторан, в двух кварталах от его дома, был расположен в конце Главной улицы и назывался «Кафе «Нью-Йорк». В первый день он быстро проглядел меню, написал короткую записочку и вручил ее хозяйину:

«По утрам на завтрак я хочу яйцо, гренок и кофе — 15 центов.

На обед: суп (любой), хлеб с мясом и молоко — 25 центов.

Пожалуйста, подавайте мне на ужин три овощных блюда (любых, кроме капусты), мясо или рыбу — 35 центов.

Спасибо».

Хозяин прочел записку и кинул на Сингера настороженный, но тактичный взгляд. Это был суровый человек среднего роста, с такой густой и темной бородой, что нижняя часть лица казалась отлитой из чугуна. Обычно он стоял в углу за кассой, скрестив руки на груди, и молча наблюдал за тем, что творится в его заведении. Сингер хорошо изучил его лицо, потому что ел за одним и тем же столиком трижды в день.

Каждый вечер немой часами бродил один по улицам. Ночи бывали холодные: дул резкий, сырой мартовский ветер, и шел сильный дождь. Но это его не смущало. Походка у него была слегка дергающаяся, руки он засовывал глубоко в карманы брюк. Шли недели, и дни становились томительно теплыми. На смену нервному беспокойству постепенно пришло изнеможение, и весь облик немого теперь выражал глубокий покой. На лице появилось тихое раздумье, что чаще встречается у людей очень печальных или очень мудрых. Но он по-прежнему шагал по городским улицам молча и всегда один.

Глава 2

Темной душной ночью в начале лета Биф Бреннон стоял за кассой «Кафе «Нью-Йорк». Была уже полночь. На улице погасли фонари, и свет из кафе резким желтым квадратом лежал на тротуаре. Город опустел, но в кафе пять или шесть посетителей еще пили пиво, вино «Санта-Лючия» или виски.

Биф невозмутимо ждал, облокотившись на стойку и потирая большим пальцем кончик длинного носа. Глаза его смотрели внимательно. Особенно пристально он следил за приземистым, коренастым че-

ловеком в комбинезоне, который напился и буянил. Время от времени он переводил взгляд на него, сидевшего в одиночестве за столиком посреди зала, или на посетителей у стойки. Но внимание его постоянно приковывал пьяный в комбинезоне. Время было позднее, однако Биф продолжал все так же молча чего-то ждать. Наконец, в последний раз оглядев ресторан, он направился к задней двери, ведущей наверх.

Он тихо вошел в комнату над лестницей. Там было темно, он старался не шуметь. Сделав несколько шагов, он наткнулся ногой на что-то твердое и, наклонившись, нащупал ручку стоявшего на полу чемодана. Он пробыл в комнате всего несколько секунд и уже собирался выйти, как вдруг зажегся свет.

Алиса села на смятой постели и поглядела на него.

— Не тронь чемодан! — сказала она. — Неужели не можешь и так избавиться от этого полоумного? Хочешь подарить ему то, что он уже пропил?

— А ты поднимись и ступай вниз сама. Зови полицию, пусть он хлебает гороховый суп в арестантских ротах... Валяй, миссис Бреннон, действуй!

— И позову, если завтра его здесь увижу! А чемодан не тронь. Он уже не его, этого дармоеда!

— Видел я на своем веку дармоедов. Блаунт не такой, — сказал Биф. — Может, себя я даже хуже понимаю, чем его. И чего-чего, а чемоданов я никогда не крал.

Биф спокойно вынес чемодан за дверь на лестницу. В комнате воздух был не такой спертый, как внизу. Он решил, прежде чем снова спуститься вниз, передохнуть и ополоснуть лицо холодной водой.

— Я тебе говорила, что я сделаю, если ты сегодня же не избавишься от этого типа. Целые дни дрых-